

А. В. СТРЕНИНА

У ИСТОКОВ РУССКОГО И МИРОВОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ

(Россохин и Леонтьев и их труд «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего»)

XVIII век характеризуется в России сравнительно высоким развитием всех областей науки. Однако, когда дело идет о первоначальном развитии научного востоковедения, для XVIII в. обычно называют имена западноевропейских авторов, писавших о Китае и переведивших китайскую литературу. Началом же русского востоковедения принято считать труды Иакинфа Бичурина. Совершенно незаслуженно забывается при этом деятельность в XVIII в. двух крупных русских востоковедов — Иллариона Россохина и Алексея Леонтьева, знатоков китайского языка, всю свою жизнь посвятивших изучению Китая.

Что же представляли собой эти пионеры русского востоковедения?

В 1945 г. в сборнике «Советское востоковедение» появилась статья В. Тарановича, посвященная описанию жизни и деятельности Иллариона Россохина, «первого русского самородка-синолога, начавшего свою научную и педагогическую работу свыше 200 лет тому назад»¹. В самом деле, Илларион Россохин написал свыше 30 работ по китайской истории и языку, но лишь пять из них увидели свет.

Основной работой Иллариона Россохина, выдвинувшей его в число крупных востоковедов, бесспорно, следует считать его капитальный труд, созданный совместно с Алексеем Леонтьевым, 16-томное «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего»².

Его соавтор А. Леонтьев — не менее крупный деятель русского востоковедения XVIII в., чем Россохин. Однако о его личности и деятельности писалось очень мало. В XIX и в начале XX в. имя его встречалось в некоторых биографических словарях, а затем было незаслуженно забыто. Да и сам труд Леонтьева и Россохина «Обстоятельное описание маньчжурского народа...» был почти забыт, и о нем мало знают даже теперь.

В настоящей статье автор хочет напомнить об этих мало известных, но славных страницах истории русской науки, а также показать, как много ценного для этнографии содержит в себе названный капитальный труд.

* * *

Алексей Леонтьевич Леонтьев родился в 1716 г. в семье церковного служителя³. Первоначальное образование он получил в школе Законо-

¹ В. П. Таранович, Илларион Россохин и его труды по Китаеведению, «Советское востоковедение», III, 1945.

² И. Россохин и А. Леонтьев, Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего, тт. I—XVI, СПб., 1784.

³ Биографические сведения об А. Леонтьеве имеются в следующих книгах: Б. Бантыш-Каменский, Словарь достопамятных людей русской земли, ч. III, М., 1836; Митрополит Евгений, Словарь русских светских писателей, т. 2, М., 1845; Энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон, т. XVII, СПб., 1896; Г. Геннади, Справочный словарь о русских писателях и ученых, М., 1903; Русский биографический словарь, СПб., 1914.

спасского монастыря, а затем в Славяно-греко-латинской академии в Москве. Двадцати двух лет он начал изучать китайский язык; в 1742 г. был направлен в Пекин для основательного изучения языка. 20 лет Леонтьев оставался в Пекине, обучаясь маньчжурскому и китайскому языкам, получая ежегодно по 10 р. жалованья и по 50 р. на платье. По возвращении в Петербург Леонтьев был назначен переводчиком коллегии иностранных дел и занимался переводами китайских книг. В 1767 г. он был снова послан в Пекин «для исправления канцелярских дел и для переводов секретарем при полковнике Иване Кропотове», который был направлен в Китай Екатериной II с дипломатической миссией. Умер Леонтьев 12 мая 1786 г. в Петербурге.

Алексей Леонтьев много работал над переводами маньчжурских и китайских текстов. Количество его работ было очень велико; в течение 15 лет (1771—1786 гг.) он издал не менее 16 книг, некоторые из них выдержали два и три издания. Им переведено и издано в общей сложности свыше 5 тыс. страниц различных китайских и маньчжурских текстов. Очень разнообразны были интересы Леонтьева. Его переводы относятся к китайской истории («Уведомление о бывшей с 1667 до 1689 гг. войне у китайцев с зенгорцами», 1777), философии («Умные речи», 1779; «Сы-шу-гей, т. е. четыре книги с толкованиями философа Конфуциуса», 1780; «Деней-Китаец», 1771), законодательству («Китайское уложение», 2 тома, 1778—1779; «Тайцингурунь и Ухери-Коли, т. е. все законы и установления Китайского (а ныне Маньчжурского) правительства», 3 тома, 1781—1783), географии («Кратчайшее описание городам, доходам и протчему Китайского государства, а притом и всем государствам, королевствам и княжествам, кои китайцам ведомы», 1778), различным сторонам китайского быта («Уведомление о чае и шелке», 1775; «Описание китайской шахматной игры», 1775) и т. д. Все свои переводы Леонтьев снабжал большим числом примечаний, которые свидетельствуют о его превосходном знании китайской жизни во всех ее проявлениях и которые помогают читателю разобраться в сложном материале.

Для этнографа труды Леонтьева могут явиться ценным источником при изучении истории и этнографии Китая и Маньчжурии; этнографические сведения разбросаны по всем его произведениям. Так, в маленькой книжечке «Уведомление о чае и шелке», помимо того, что дается первое описание возделывания культур, в то время почти неизвестных в России, подробнейшим образом описываются сельскохозяйственные процессы при возделывании хлебов в Китае с заключительным актом жертвоприношения. В трехтомнике «Все законы и установления Китайского (а ныне Маньчжурского) правительства» приводятся разнообразные этнографические материалы. Таковы например: описание свадебных и похоронных обрядов, описание одежды чиновников и императора, детальное описание обряда вспахивания императором земли, обряда поклонения бабушке императора в день зимнего солнцеворота, в новый год и в день ее рождения и т. д. Но наиболее богат этнографическим и историческим содержанием капитальный труд, переведенный А. Леонтьевым совместно с Илларионом Россохиным, — «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в восьми знаменах состоящего». Оба переводчика начали работу над данной книгой по предложению коллегии иностранных дел в 1756 г. Россохин перевел до 1761 г. (год его смерти) I, II, III, VI, VII, VIII томы работы, Леонтьев перевел остальные 10 томов сочинения и закончил работу в 1762 г. Этот труд в 1784 г. «иждивением» императорской Академии Наук вышел в свет. Этот капитальный труд, как известно, литература о маньчжурах, особенно о раннем периоде их истории, и до сих пор чрезвычайно существенно более заслуживает внимания этот основательный труд, выполненный еще в XVIII в.

Рассматриваемая книга, чрезвычайно полно и всесторонне характеризующая маньчжурское войско и содержащая большой этнографический и исторический материал, была издана в Пекине по указу маньчжурского императора от 7 июня 1727 г. и имела целью «прославление славных деяний и мудрой организации восьмизнаменного войска». Указ поручал группе маньчжурских вельмож составить большой коллектив, долженствовавший собрать все имеющиеся о маньчжурах и главным образом о маньчжурском войске сведения. Работа над книгой велась около 12 лет. Книга вышла 23 мая 1739 г. на маньчжурском языке и затем была переведена на китайский. В русском переводе книга содержит 16 томов, 250 глав. Более 250 страниц XVI тома занимают «Примечания», сделанные Илларионом Россохиным; А. Леонтьев составил примечания к IV, V, IX—XVI томам, им переведенным (в том же XVI томе).

Помимо описания устройства и деятельности восьмизнаменного войска, здесь имеется много данных, которые позволяют судить о быте маньчжур XVII — начала XVIII в., об их религиозных верованиях, обрядах (свадьбы, похороны), об их материальной культуре (жилище, одежда, хозяйство). Вопрос о происхождении маньчжур, и в наши дни еще окончательно не решенный, чрезвычайно интересовал уже в то время русских авторов этой работы. Россохин посвятил этому вопросу специальную статью, помещенную в «Примечаниях». Для написания этой статьи он использовал, согласно его собственному заявлению, данные маньчжурской истории о племенном составе маньчжур.

Известно, что главным объединителем разрозненных племен, живших в XVI в. на территории от Амура до Ляодунского полуострова включительно и от Монголии до «Восточного» моря, был Нурхацци. До Нурхацци известны имена четырех первоначальных владельцев маньчжурских⁴, которые имели своей резиденцией города Еньдень (Хету-Ала) и Одоли и которые создали на юге данной территории небольшое объединение племен, развитых экономически, занимавшихся земледелием и ведших посредническую торговлю между Китаем и остальными маньчжурскими племенами. Нурхацци, опираясь на это объединение, созданное его предшественниками, объединил и подчинил своей власти разрозненные племена всей Маньчжурии.

В книге об этих племенах говорится следующее (из «Примечаний» Россохина): «Маньчжу есть оный народ, который 1583 года при горах Гольминь-Шань-Инь-Алинь основал некоторую форму правительства, учинил многие завоевания; а потом не только всем государством Китайским, но и всеми кочевными Мунгалами, также и другими многими странами овладел. Оные Маньчжу разделяются на Фо-маньчжу, т. е. старых маньчжур, и на Иче-маньчжу, т. е. новых маньчжур». Далее автор примечания приводит целый перечень родов, вошедших в состав маньчжурского объединения. Из них 17 родов (Саксuhu Аиман, Саргу Гямуху, Суан и др.) составили основное ядро маньчжурского народа, а перечисленные далее 49 родов были, по словам Россохина, покорены «первым ханом маньчжурским». В этом списке покоренных и присоединенных родов фигурируют такие названия, как Джечени-Аимань — порубежные, Олхонь — сухое место, Дун — пещера, Хада — сопка, низменная гора, Мурень — река, Иньтаннь — народ, который на собаках ездит, и др.

«Сверх сего,— пишет Россохин,— прибавляют к своему обществу еще и другие народы разных названий, а именно: Магя Джарут, Шадзи Сацйку Халминь, Хуалча, Калка, Орос, т. е. россиян, коих они во время бывших ссор о реке Амуре пленили и сделали у себя из них одну нюру

⁴ Вот эти имена: 1 — Дерихухе-Мафа, 2 — Еньдембухе-Мафа, 3 — Мукдембухе-Мафа, 4 — Илетулехе-Мафа.

(роту.— А. С.); Дахур, Али-Чашань, Мача, Вань-Янь, Чоухань или корейцев, Абахай, Чахар, Солонь, Мингань-Мафа, т. е. тысяча дедов: Урут, Баяра-Голо, Хого-Мухальянь, Баюг, Хупча, Гиринь-Ула, Фяланча, Енге, Варкаси, Гахари, Курулунь-Бур, Муки, Хаилено, Хангя, Вань-Цинь, Акули, Тун-Янь, Дорги-Бира и Холхонь»⁵.

О расселении всех перечисленных племен или родов Ил. Россохин сообщает, что все они находились в различных местах «страны Ляу-Дун», считая этой «страной» ту землю, в которой протекают реки Сахалинь-Ула (Амур), Усури-Ула, Гирини-Ула и другие и которая от России отделена «великим хребтом до самого Восточного моря» — Хинганским. Более подробных сведений о расселении племен в книге нет.

Обращают на себя внимание названия ряда «исконных» и присоединенных маньчжурских племен; часть из них носит, видимо, тотемистический характер (Фодохо — ветла, тальник; Хада — сопка; Суан — птица баклан и др.). Часть маньчжурских племен имеет монгольское происхождение, например Ехе («первый основатель ехесского владения родом был из мунгальского народа») ⁶; вероятно также Калка (Халха), Дахур, Сибе, Солонь, Чахар. Правда, Россохин отделяет эту последнюю группу монгольских племен (за исключением Ехе), равно как и часть корейцев, от исконно маньчжурских. Однако, если присмотреться к названиям «исконных» маньчжурских племен, то нужно отметить, что названия ряда племен по породам и мастям лошадей также свидетельствуют о прямом влиянии на эти племена степных скотоводческих элементов. Это подтверждается и материалами маньчжурского языка, в котором имеется чрезвычайно много названий для различных пород и мастей лошадей, о чем свидетельствует «Маньчжурско-русский словарь» Захарова.

О древнем расселении многих маньчжурских племен свидетельствуют названия рек и местечек: Хурха, Суйфунь, Нингута, Усури, Хингань, Сахалинь-Ула (Амур).

Таким образом, в состав маньчжур вошли и амурские племена: Сахалинь-Аимань (народ, живший на Амуре) и Нимача. В другом месте об этом последнем народе говорится: «Нимача или Нимацзи. Сего имени народ сперва имел свои жилища около р. Амура, а потом, переселившись на р. Хуйфа, построил крепость и назвал ее по имени оной реки. Хуй-хан маньчжурский оную крепость взял и народ оной включил в нюру» (роту) ⁷.

Чрезвычайно интересно наличие среди маньчжур племени «Ниньтаннь — народа, который на собаках ездит». Без сомнения, здесь речь идет также об амурских племенах. В подтверждение этого можно привести сообщение иезуита Жербильона, относящееся почти к тому же времени: «От Иаксы считают 150 миль до Нингуты, откуда доходят до такого народа, которой собак так, как мы лошадей и быков, в еду употребляет, и маньчжурам, которых земля поныне до сего народа простиралась, ни под каким другим именем не известен, как под таким народом, который ездит на собаках». «Сверх того, сей народ находится до 200 миль к той реке, хотя оной не весьма многочислен» ⁸. Далее автор пишет, что у устья Сагалин-Улы (Амура) живет иное племя, отличное от описанного по языку и называемое фиатта.

Нивхи (гиляки), обитающие в низовьях Амура и на его притоках и называвшиеся в китайской литературе «фияка», «фейяка», действительно отличаются по языку от соседящих с ними, живущих по Амуре верховцев, говорящих на тунгусо-маньчжурских языках, т. е. ульчей и гольдов (гольдов). Очевидно, следует предположить, что под народом «который

⁵ И. Россохин и А. Леонтьев, Указ. раб., т. XVI, стр. 150—151.

⁶ Там же, стр. 253.

⁷ Там же, стр. 162.

⁸ «О Великой Татарии», см. «Собрание сочинений выбранных из путешествий», ч. I, СПб., 1785, стр. 245—246.

на собаках ездит», включенным в начале XVII в. в состав маньчжурского народа, следует понимать тунгусо-маньчжур — предков современных нанайцев и, может быть, отчасти ульчей, которые еще в XIX в. занимали территорию, простиравшуюся значительно южнее, чем их современные места обитания.

На реке Хурха (Курха), впадающей в Сунгари, жило в XVI в. племя, о котором говорится в книге следующее: «На сей реке при первых маньчжурских владельцах обитал такой народ, который платил ясак маньчжурам соболями и тюленьими кожами; а жительство свое имел в селе Яньджу-Гашань и потом причтен в маньчжуры»⁹. Наличие морского промысла у группы маньчжур, живущей на востоке Маньчжурии, может показаться чрезвычайно странным и вызвать сомнение, не является ли это просто ошибкой или опiskeй автора. Но в I томе на стр. 13—14 имеется подтверждение вышесказанного: 1640 г. «прежде покорившиеся и в присылке бывшие куркайцы 149 чел., да недавно вновь сысканные 292 чел. оставлены для поселения в сел. Яньджу-Гашань с тем, чтобы они надлежалой с них ясак соболями и нерпами платили».

Восточной границей расселения маньчжурских племен было «Восточное» море. Названия племен по именам рек Уссури, Суйфунь свидетельствуют о том, что племена или роды современного Уссурийского края входили в состав маньчжур. Племена Варха, Воцзи и Хурха жили на Крайнем Востоке. Часть племени Воцзи составляли Удэ (Куяла, Кэ-и-кэ-лэ)¹⁰.

Такова та пестрая племенная масса, с которой имел дело Нурхацци при объединении. Эти племена имели неоднородное происхождение (тунгусо-маньчжуры, монголы, и, возможно, некоторая часть «палеоазиатских» племен) и стояли на разных уровнях развития. В основном это были охотники и рыболовы; на юго-западе и юге жили племена, наряду с охотой и рыболовством занимавшиеся земледелием. Они, видимо, испытывали влияние Китая. У этих племен, очевидно, складывались феодальные отношения. В работе В. Горского «Начало и первые дела маньчжурского дома»¹¹ описываются сложившиеся на территории Маньчжурии к концу XVI в. племенные союзы; их было четыре. Нурхацци первоначально боролся с наиболее сильным — хулуньским. Слабые племена подчинялись даже незначительным военным силам без боя, но многие племена вели борьбу за свою независимость. В «Обстоятельном описании...» дается детальная картина этой борьбы племен; она описывается во всех 16 томах книги. Людей из покоренных племен уводили в плен, из них создавались воинские соединения, которые использовались для дальнейших военных действий. Небольшая часть племен, особенно на окраинах, оставалась жить на своих местах, только формально входя в маньчжурское войско. Эти племена и составляли «новоманьчжуров», лишь незначительная часть которых переселялась со своих мест и служила в войске; в основном же «ново-маньчжуры» платили маньчжурскому правительству незначительный ясак.

Нурхацци, объединяя разрозненные племена, создавал войско, в котором стремился уничтожить родовой и племенной сепаратизм. Организация восьмизнаменной маньчжурской армии, в которую входили и китайские и монгольские знамена, детальнейшим образом изображенная в «Обстоятельном описании...», достаточно хорошо известна, и здесь не имеет смысла ее рассматривать. Мы коснемся только вопроса о судьбе объединенных родов и племен.

«...При первых наших государях как походы на войны, так и ловитвы

⁹ И. Россохин и А. Леонтьев, Указ. раб., т. XVI, стр. 142.

¹⁰ А. Рудаков, Материалы по истории китайской культуры в Гириньской провинции, т. I, Владивосток, 1903, стр. 7—9.

¹¹ В. Горский, Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. I, СПб., 1852, стр. 39—48 и др.

зверей отправлялись не по количеству многого или малого числа народа, но каждая фамилия и деревня со своим родом выезжали на ловитву»¹².

Первоначально родами включались отдельные группы в состав войска, образуя роты. Главы родов или лица, принадлежавшие к ведущим родам племен, даже получали эти роты «во владение» и передавали затем роты по наследству детям и внукам или братьям, детям братьев и т. д. Однако позже стали делать смешанные роты, происходила перетасовка людей, и прежних рот, образованных по родоплеменному принципу, становилось все меньше. Маньчжурское правительство проводило систематически политику раздробления больших родственных групп. Члены больших племен никогда не составляли одну военную единицу. Например, люди из Ехе были размещены по 11 полкам шести знамен. Не было создано ни одного полка из одноплеменников. В походы никогда не выступали целиком знамена, полки и даже роты, но только части их, так что в войнах и облавах принимали участие люди из разных воинских соединений.

В книге показана борьба маньчжурских императоров со старыми родовыми традициями. Когда, например, старики не хотели подчиняться более молодым членам их рода, занимавшим высокие административные должности, то был издан специальный указ императора, подтверждавший власть этих молодых командиров; отразилась здесь и борьба императора со своими сородичами. Постепенно такие вспышки затухают. От прежних родов и племен остались только имена; армия превратилась в монолитную массу, судьба которой в Китае достаточно хорошо известна.

В разбираемой книге показано, какую упорную борьбу вели маньчжурские императоры за сохранение национальной культуры маньчжур, маньчжурского языка и т. д. от стихийной китаизации.

В книге много этнографических материалов, которые дают довольно полное представление о материальной и духовной культуре маньчжур. Очень интересным представляется сохранение старых охотничьих традиций в быту маньчжурского войска в XVII и XVIII вв. Помимо несения военной службы, всем маньчжурским солдатам вменялось в обязанность участвовать в регулярных облавах и охотах на зверей, птиц и т. д. Это не было чем-то случайным. Ежегодно на охоту отправлялось 12 тыс. человек по определенному расписанию. Указ 1682 г. гласил: «звериную ловлю в каждой год отправлять три кратно: весной третьего, осенью девятого, а зимою второго на десять месяца»¹³. Горы и реки, на которых промыслили зверей, птиц, рыб, распределялись между знаменами; на территории чужого знамени охотиться запрещалось. Во время облав соблюдалось много правил, поддерживалась строгая дисциплина.

Большое значение придавалось также добыче драгоценного корня жень-шень (орхода), что также являлось обязанностью знаменных маньчжурских солдат. Все это подробно освещается во II и III томах книги¹⁴.

¹² И. Россохин и А. Леонтьев, Указ. раб., т. I, стр. 9.

¹³ Там же, т. III, стр. 90.

¹⁴ В другом произведении XVIII в. приводится очень подробное описание облавы знаменного войска. В книге «Китайские, японские, сиамские и тонквинские анекдоты» (ч. I, М., 1791, пер. с франц.) приводится стихотворение императора Цянь-Луня, в котором изображается это во всех деталях: торжественный выезд колесниц и войска, вооружение воинов, облавная тактика; охотились на зайцев, кабанов, оленей, коз, тигров, медведей; начинал охоту император, заканчивали все родовые воины. Охота прекращалась по знаку императора. Вся добыча делилась на три части. «Звери, павшие под первым ударом, полагаются вместе с теми, кои получили одну только рану в левый бок, и они вместе составляют первой порядок. Их отлагают в стороне, чтобы повесить в зале предков, и чтоб потом быть там жертвами, когда мясо их будет изжарено» (Назв. соч., стр. 26). Две другие части шли для нужд императорского двора и на награды солдатам и офицерам. Облава и гоньба животных, заключительный акт жертвоприношения — все это свидетельствует о большой архаичности этих проводившихся правительством в XVII и XVIII вв. мероприятий.

Там же имеются сведения по материальной культуре маньчжур: довольно подробно описана столбовая конструкция маньчжурских домов и хозяйственных построек¹⁵. Одежда маньчжурских солдат и высших офицерских и гражданских чинов описана в V томе, на пятидесяти страницах.

Духовной культуре маньчжур в книге уделяется особенно много места. У маньчжур были храмы, указывающие на предметы поклонения маньчжур: храмы, посвященные небу (абкай-тань), земле (най-тань), прародителям (таймяу), праотцам (тань-зе), богу земли и плодов. Для жертвоприношения небу и земле, прародителям и богу плодов употреблялось еще в XVIII в. большое число животных. «Учрежденное при храме всевышнему небу посвященном Хи-Шын-шо есть такое место, где на все жертвоприношения употребляющиеся олени, быки, овцы и вепри на корму содержатся и приготавливаются на всеожжение»¹⁶. Обряд жертвоприношения небу совершался в день зимнего солнцеворота, в день нового года и в день летнего равноденствия.

Подробно описывается в книге ритуал поклонения и жертвоприношения в храмах предкам и праотцам¹⁷. «Оное жертвоприношение, кое отправляемо бывает небу и земле... или прародителям... называется великое; второго роду жертвоприношение, которое отправляется солнцу, луне, духам ветров, облаков, громов, дождей, знаменитых гор и мест, моря и великих рек, также древним великим царям, первоначальному учителю (т. е. Кун-Фу-Дзыю), первому человеку земледельства... именуется средним; а третьего роду жертвоприношение называется малым, которое отправляется только тем богам или духам, коим по указам жертвоприношения древним великим царям, так же и философу Кун-Фу-Дзыю отправляются по именным указам самих ханов»¹⁸.

Анимистические представления были отражены в некоторых народных обрядах, закрепленных императорскими указами. Согласно этим указам, изданным еще до 1644 г., после смерти цинь-вана (высший чин, который давался только особам императорской фамилии) совершались жертвоприношения в первую надань и в великую надань («надань — значит семь, а здесь разумеет первую надань, что минуло покойнику 7 дней, т. е. первые поминки, а великую надань, что покойнику минуло пятью семью, т. е. великие поминки»). «Для тех двух жертвований, которое по прошествии семи дней и которое в день великого надань бывают, от двора давать в жертву по одному двухлетнему теленку, по 8 баранов, по 9 куфшинов вина, по 30 000 хоушань (бумажные деньги)»¹⁹. «Тело цинь-вана не выносить из дома до того времени, когда могила сделана будет, а не класть в вечное место целый год». «Тело Бейзы, ...не выносить из дома 3 месяца; а в вечное место не класть до 5 месяцев»²⁰.

Указ 1723 г. гласил: «Когда кто, какогоб звания не был, умрет, то в гроб с телом его класть платья 5 пар. При погребении употреблять бумажных колясок, лошадей, носилок, башенок умеренное число»²¹.

Таким образом, «Обстоятельное описание...», изданное еще в XVIII в., дает нам и до сих пор интересное изображение древней религии маньчжур, которая с XVII в. подверглась интенсивному воздействию религии китайцев. Правда, религия маньчжур описана здесь не полно, но имеющиеся сведения представляются чрезвычайно интересными и ценными.

В данной статье невозможно, конечно, коснуться всех богатых этнографических материалов, имеющихся в рассматриваемой работе. В книге

¹⁵ И. Россохин и А. Леонтьев, Указ. раб., т. II, стр. 301—352.

¹⁶ Там же, т. III, стр. 230.

¹⁷ Там же, т. IV, стр. 230—253.

¹⁸ Там же, т. XVI, стр. 190.

¹⁹ Там же, т. V, стр. 71.

²⁰ Там же, стр. 185.

²¹ Там же, стр. 110.

приводится также громадное количество исторических материалов; показаны социальные группировки среди маньчжур в XVII—XVIII вв. В ней содержатся и интересные сведения о некоторых других народах, соседях маньчжур и китайцев: например, в XVI томе есть первое краткое этнографическое описание тибетцев, их материальной и духовной культуры.

Для людей, занимающихся Китаем и Маньчжурией, «Обстоятельное описание...» должно стать объектом внимательного изучения. Тем более странно, что ни один из китаеведов и маньчжуроведов XIX и XX вв. эту работу не использовал. Нельзя не оценить самым высоким образом заслугу И. Россохина и А. Леонтьева, открывших науке такое ценное произведение. Даже работы над одной этой книгой было бы достаточно, чтобы увековечить имена пионеров русского востоковедения. Но, как уже указано, Россохин и Леонтьев создали еще много интересных произведений, увеличивающих ценность того вклада, который они сделали в русскую востоковедческую науку.